

Рецензия на книгу Р.К. Потаповой и В.В. Потапова «Речевая коммуникация. От звука к высказыванию» (М.: ЯСК, 2012. 460 с.)

Кривнова О.Ф., доктор филологических наук

Новая книга Р.К. Потаповой и В.В. Потапова, известных российских учёных, признанных специалистов в области общего речеведения и фонетики устного дискурса (см., например, Потапова 1986; 1997; 2010; Потапова, Потапов 2006; Potapova, Potapov 2011 и др.), посвящена актуальным проблемам речеведения, понимаемого авторами как раздел общей семиотики, включающий как сегментный, так и супraseгментный компоненты звуковой системы языка. Фонетическая реализация различных единиц, образующих указанные компоненты, исследуется и интерпретируется в рецензируемой книге в рамках антропоцентрического функционального подхода, что значительно расширяет границы и типы значимых звуковых элементов и явлений речевой коммуникации как в её вербальном, так и в паравербальном слое.

Оригинальные концептуальные установки авторов иллюстрируются результатами целого ряда собственных экспериментальных исследований, многие из которых также описываются в рецензируемой книге.

Основное содержание монографии разделено на три больших раздела, со сквозной нумерацией глав (их 14), что, на наш взгляд, несколько затрудняет ориентацию читателя в материале книги. Кроме того, в книге имеются введение, заключение и три приложения:

1. Иллюстрации акустической обработки сигнала на базе новых информационных технологий.
2. Интонационная специфика русской речи: от теории к практике в Интернете.
3. О книге Rodmonga K. Potapova Vsevolod V. Potapov. Kommunikative Spechtätigkeit. RuSland und Deutschland im Vergleich. Böhlau Verlag. Köln; Weimar; Wien, 2011. 312 S. (на нем. языке).

Во введении авторы подчёркивают необходимость полиаспектного исследования звучащей речи, что обусловлено разнообразием её функций и типов передаваемой информации. Как и в целом ряде предыдущих работ Р.К. Потаповой, в новой книге справедливо отмечается необходимость дальнейшего развития в области наук о человеке такого направления, как **речеведение**. Подробный анализ представительного количества работ,

накопленных в за короткий период второй половины XX века (в библиографическом списке книги около 500 наименований), приводит авторов к выводу, что в речеведении «исследователи имеют дело как с *микромиром* звучащей речи (речевым сигналом и его ингерентными свойствами), так и с её *макромиром* на уровне интегративно-структурного целого с позиций антропоцентризма». Название книги создаёт у читателя установку на то, что задача авторов состоит в анализе, систематизации и обобщении результатов исследований, направленных на изучение разнообразных отношений и взаимосвязей между физическим микромиром и ментальным макромиром речевой коммуникации, причем в ракурсе «снизу вверх» — от звука к высказыванию как части сложного устного дискурса.

И, действительно, раздел I «**Акустическая природа звуков речи**», открывающий изложение и занимающий примерно одну треть всего объёма монографии, посвящён рассмотрению фундаментальных сведений из области акустической фонетики. Базис звучащей речи, безусловно, образуют минимальные звуковые единицы языка, их дискретные последовательности и их материальное воплощение в речевом потоке. В главе 1 данного раздела, которая называется «*Экспериментально-фонетическое исследование сегментного строя языков*», рассматриваются вопросы, связанные с изучением сегментного звукового компонента устной **речи**. Нам представляется, что такое понимание задачи данной главы более адекватно отражает ее содержание, чем название, предложенное авторами. Изучение сегментного **строя языка**, даже экспериментально-фонетическое, предполагает, на наш взгляд, несколько иные тематические акценты, чем те, что сделаны в данной главе. Здесь подробно обсуждаются основы спектрального анализа речи, возможности его использования для решения различных речеведческих проблем, рассмотрены конкретные результаты, полученные с помощью спектрального анализа в таких задачах, как звуковая сегментация речи, идентификация значимых фонологических признаков сегментных единиц, акустические корреляты коартикуляционных процессов.

Большой интерес представляют таблицы 1–10, которые содержат усредненные спектральные характеристики основных классов сегментных единиц языка, преимущественно русского. В данной главе обсуждаются также возможности и значение методики синтеза речевых фрагментов на основе их предварительной акустической параметризации с целью получения контролируемых фонетических стимулов для дальнейшего изучения процессов восприятия речи.

При чтении этого небольшого раздела возникает ряд вопросов, ответа на которые нам найти, к сожалению, не удалось. Приведем некоторые из них. Почему из всех развиваемых в настоящее время методов синтеза речи в данном разделе рассматривается именно формантный синтез по правилам, не самый популярный в настоящее время? Какая конкретная система синтеза речи послужила прототипом для данного описания? Как в ней генерируются интонационные характеристики высказывания? И т.д.

Учитывая качество современных синтезаторов, трудно согласиться и с критерием успешности синтеза, который даётся на стр. 69: «Успешный синтез высказывания заключается не в том, чтобы оно явилось адекватным воспроизведением реального высказывания носителем языка (диалекта), а в том, чтобы оно воспринималось носителями языка (диалекта) как возможное в этом языке (диалекте)».

Глава завершается очень полезным с методической точки зрения разделом о принципах подбора экспериментального материала для проведения экспериментально-фонетических исследований в области сегментной фонетики с использованием матричного метода, разработанного Р.К. Потаповой.

Глава 2 раздела I «*Супraseгментные (просодические) характеристики речи*» переключает внимание читателя на тематику просодической фонетики. Во введении к главе уточняются термины «просодия, специфические и интегральные акустические характеристики звуков, слоговая и словесная просодия».

Изложение начинается с сегментных просодических характеристик, т.н. собственных, ингерентных показателей ЧОТ, интенсивности и длительности для разных категорий звуков. Подробно описывается механизм голосообразования и причины некоторых различий в собственной ЧОТ у разных гласных. Даются таблицы средней интенсивности речевых образцов в разных речевых режимах, при их измерении разными единицами (н/м^2 , мкВт/м^2 , дБ) табл.14, а также таблицы разногромкости гласных (15-19) для разных языков, демонстрирующие, что параметр интенсивности представляет собой сложный акустический феномен, определяемый как физиологическими, так и фонетическими факторами. К сожалению, сопоставление указанных таблиц, весьма полезное, например, для контрастного фонетического анализа, затруднено отсутствием описания экспериментальных процедур, с помощью которых были получены приводимые количественные показатели.

Авторы дают также сведения о показателях собственной длительности звуков разных классов, типичные для основных европейских языков — английского, немецкого, французского и русского. Не всегда, к сожалению, указываются конкретные источники этих сведений.

Далее в главе 2 подробно описываются просодические характеристики супrasegmentных единиц речи — слога и фонетического слова. Особенно богат фонетической информацией слоговой раздел. Здесь говорится об истоках изучения слога, обосновывается его центральная роль в организации и формировании речевого потока, значимость для фонетической типологии и сопоставительной фонетики. Теоретические положения иллюстрируются разнообразными сведениями из области изучения основных слоговых структур на материале европейских языков, в частности, о частоте встречаемости, о звуковом составе слога, включая просодические характеристики компонентов слога и характер их примыкания, причём с учетом разных контекстных условий; обсуждаются также проблемы слогоделения, особенно актуальные для языков типа русского, где мало ограничений на звуковой состав слога и не столь значительны центростремительные силы внутри него.

Много интересных фонетических данных содержится и в параграфе «Просодические характеристики фонетического слова». Отмечается, что во многих языках наблюдаемые фонетические закономерности действуют через слоги, включённые в состав фонетического слова, т.е. самостоятельного слова с примыкающими к нему безударными служебными словами или частицами. Авторы отмечают, что ритмические схемы, объединяющие слоги в фонетическое слово и одновременно дифференцирующие их по степени выделенности (ударности), относятся к числу наиболее ярких фонетических особенностей того или иного языка. В этой связи в монографии даются краткие, но ёмкие характеристики ритмического своеобразия фонетических слов в русском, немецком и английском языках.

Конечно, читателям, занимающимся специальными исследованиями в этой области фонетики, хотелось бы видеть в данном разделе более подробную сопоставительную фонетическую информацию, однако понятны и ограничения объема книги, которые пришлось учитывать авторам. С другой стороны, жаль, что из-за подобных ограничений авторы уделили мало места дискуссионному теоретическому вопросу о существовании в речи более крупных фонетических блоков, которые состоят из ритмически объединенных знаменательных слов, но «не дотягивают» по ряду критериев до просодических составляющих типа синтагм и интонационных фраз. Некоторые исследователи называют такие ритмические объединения составными фонетически-

ми словами, в отличие от простых, в то время как другие — «фонетическими синтагмами» или промежуточными фразами, в отличие от настоящих интонационно-смысловых синтагм и фраз. Между тем этот вопрос весьма существен для понимания принципов организации разных речевых текстов и закономерностей макросегментации речевого потока.

Не совсем понятно включение в заключительную часть раздела о просодических характеристиках слова сведений об особенностях реализации консонантных стечений разного типа в составе слогов, входящих в состав данного слова. Более логичным представляется такой план изложения, при котором сначала демонстрируется устойчивость vs вариативность слоговой структуры слова в речи, а затем объясняются причины этой вариативности. Тем более что в обсуждаемой главе есть отдельный подраздел 2.7, в котором подробно рассматривается акустическая вариативность компонентов слога в составе фонетического слова и фразы.

Авторы касаются также дискуссионного вопроса о физических границах фонетических слов в потоке речи. Известно, что их частое отсутствие или неяркое маркирование сильно затрудняет автоматическое распознавание слитной речи. Анализируя экспериментальные данные, полученные разными исследователями для акустических характеристик звуков в контексте межсловных границ разного типа, авторы приходят к неутешительному, но реальному выводу. Они пишут: «акустические корреляты границ фонетического слова сравнительно чётко фиксируются в том случае, когда слова произносятся при полном типе артикуляции. В потоке же речи определение границ фонетического слова сопряжено с целым рядом трудностей, возникающих в связи с целым рядом дискурсивных и фонетических факторов» (с. 124). В то же время нельзя не признать, что эта проблема требует дальнейшего, систематического изучения на разнообразном речевом материале, с применением новейших методов моделирования и анализа речевых последовательностей.

Глава 2 завершается, как и глава 1, методически полезным разделом о подборе речевого материала для экспериментально-фонетических исследований с учётом возмущающих факторов слоговой и словесной просодии. Это важно не только для анализа т.н. лабораторной речи, но и для корпусных исследований, всё более популярных в настоящее время.

Особое место в обсуждаемой главе занимает последний подраздел, посвящённый терминам «просодия, просодика, просодемика». Напомним, что с обсуждения термина «просодия» данная глава также начинается. Представляется, что композиционно и содержательно было бы более удобно объединить эти обсуждения в один раздел, начинающий главу. Интересно было бы также проследить частоту употребления этих терминов в фонетической науке и тождественность их содержания в работах разных авторов. В последнее время достаточно частотным является общий термин «просодическая фонетика», с подразделением последней на субстанциональную и функциональную поддисциплины. Безусловно, такое терминопотребление имеет параллели в предлагаемых авторами терминах «просодия, просодология (просодика, просодемика)». Однако в современной фонетической литературе эти термины по каким-то причинам не стали общепринятыми.

Второй большой раздел книги «**Сегментно-структурная архитектура речевого высказывания**» состоит из 7 глав, весьма разнородных по задачам, объёму и внутренней детализации. Так, гл.3, посвящённая обсуждению фонетических средств, которые обеспечивают микросегментацию и макросегментацию звучащей речи, наиболее обширна, занимает 70 стр. текста. В то же время остальные главы 4–6 гораздо меньше по объёму и занимают каждая примерно 15-20 стр. Представляется, что композиция этого раздела могла бы быть более сбалансированной без ущерба для излагаемого материала.

Главная теоретическая установка гл. 3 «*Фонетические средства сегментации звучащей речи*» заключается в тезисе о неправомерности поиска универсального способа сегментации

речи. Напротив, авторы утверждают и убедительно показывают, что «на каждом условно выделяемом иерархическом уровне (фонетики высказывания, ОК) производится сегментация на разные опорные единицы: фразы, синтагмы, фонетические слова <...> при макросегментации; слоги, звуки, внутрислоговые сегменты (при микросегментации)» (стр. 146).

В связи с потенциальной делимитативной функцией в пункте 3.1 данной главы, посвящённой проблеме микросегментации, рассматриваются на материале немецкого языка фонотактические закономерности внутри и на стыках значимых единиц языка, позиционное варьирование фонем с акцентом на фонетический эффект границ и стыковых контекстов, а также особые пограничные сигналы. Утверждается, что корректная сегментация речи на единицы фонемной размерности представляет собой сложную задачу ввиду отсутствия прямых связей между дискретной последовательностью звуковых единиц и речевым сигналом как квазинепрерывным физическим феноменом, между перцептивно-слуховыми признаками членения речи и физическими границами в сигнале. Авторы отмечают, что для ряда языков звуковая «делимитация не только находится в прямой зависимости от морфологического строя языка, но и диктуется последним» (стр. 142). В качестве яркого примера такой зависимости приводится немецкий язык. Результаты экспериментально-теоретических исследований на материале этого языка свидетельствуют, что существует прямая зависимость между степенью семантической спаянности контактирующих знаковых единиц и степенью аллофонической модификации стыковых фонем. При этом разные категории фонем, например, гласные и согласные, обнаруживают различные модели вариативности, зависящие к тому же от стиля речи. Интересно, в какой степени этот вывод может быть распространён на другие языки.

Обращаясь к проблеме слогоделения в подразделе 3.1.3 «Принципы слоговой сегментации речевого потока», авторы подчеркивают её особую сложность по сравнению с задачей выделения в речи супrasegmentных единиц большей размерности. Слог признаётся важной опорной единицей сегментации речевого потока, но при этом правила слогоделения могут учитывать как фонотактическую фонемную структуру позиционно разных типов слогов, так и их акустико-фонетические признаки, способные выполнять сегментирующую функцию. Специфика этих признаков, подробно обсуждаемая в предлагаемом обзоре, к сожалению, временами затушевывается повторным рассмотрением вопросов собственно звуковой сегментации и идентификации или же обсуждением функций слога в организации речи. Весьма перспективным представляется двухуровневый алгоритм слогоделения, при котором на первом этапе с опорой на просодические параметры сигнала производится сегментация слитной речи на псевдослоги типа СГ, а затем результаты такой предварительной сегментации фильтруются с использованием фонотактических сведений о типах слоговых структур, разрешённых и/или частотных в данном языке.

Подраздел 3.2 «Фонетические характеристики членения речевого потока на фонетические слова (ритмические структуры)» начинается с краткого изложения принципов структурно-типологического подхода к исследованию речевого ритма. В их основе лежат перцептивные исследования ритмической организации устных разноязычных текстов в контрастивном аспекте (Potapov 2001). На их основе делается вывод о реализации в речи ритмической иерархии, начинающейся с базового ритма отдельных слов и завершающейся интегративным ритмом на уровне интонационно-смысловых синтагм. Подробно анализируется ритмика отдельного слова, включая

сложные слова и более сложные ритмические звенья в немецком и английском языках. Специальные эксперименты были проведены авторами для выявления значимости грамматических маркеров в ритмически обусловленном членении письменного текста на смысловые блоки в рамках синтагмы (проблема синтактико-просодического интерфейса), определена иерархия факторов, влияющих на ритмико-структурную организацию речевого высказывания. Согласно полученным результатам к ним относится специфика словесного ударения, грамматический строй языка, включая порядок слов на уровне их частеречных признаков, функционально-стилистическая принадлежность звучащего текста.

Общая теоретико-экспериментальная часть этого подраздела завершается обсуждением вопроса сегментации речи на фонетические слова, который был уже частично затронут в первом разделе книги. Авторы отмечают, что идеи фонетистов по этому вопросу исторически претерпели определённые изменения: полное отрицание присутствия в речи границ фонетических слов сменилось утверждением, что сигналами таких границ могут служить особые физические характеристики звуков на стыках слов, сравнительно с аналогичными характеристиками внутри слова, а также особые пограничные сигналы типа паузы. В изложении этого материала присутствует некоторый повтор фактов, уже представленных в разделе I, которого можно было бы избежать с помощью кратких ссылок, в целях информационной разгрузки изложения, и так плотно насыщенного разного рода фонетическими фактами.

В подразделе 3.3 подводятся итоги различных исследований макросегментации звучащего текста: обсуждается вопрос о типах макросегментов в разных видах текста, о просодических средствах их вычленения (преимущественно речь идёт о паузах на материале немецких текстов); подчёркиваются особенности просодического членения спонтанных устных текстов, со свойственной им дробностью членения и смазанной корреляцией между смысловыми и просодическими составляющими. В связи с этим авторы анализируют теоретические попытки ввести в просодическую фонетику такие понятия, как «неполная синтагма» и «паузальная группа».

К сожалению, за пределами этого обсуждения остались такие понятия, как ЭДЕ (элементарная дискурсивная единица) и *intermediate phrase*, получившие большую популярность в современных работах по устному дискурсу.

Отдельно и весьма подробно рассмотрена как в теоретическом, так и экспериментальном плане проблема функционирования синтактико-просодического интерфейса на уровне интонационно-смысловых синтагм (условия просодической актуализации потенциальных синтагм). Исследования, которые проводились авторами и их коллегами в течение ряда лет в МГЛУ на материале изолированных предложений русского, немецкого и английского языков, подтверждают, с одной стороны, зависимость просодического оформления предложений от их семантико-синтаксической структуры и типов формальных связей, а с другой, обнаруживают наличие специфических условий, влияющих на просодическую актуализацию синтаксических составляющих. Из числа последних в рецензируемой монографии анализируются длина, линейная позиция составляющей в предложении и сила собственно синтаксических факторов. Обсуждая и выделяя определённые правила синтактико-просодического интерфейса на уровне озвучивания отдельных предложений, авторы осознают их функциональную ограниченность, справедливо отмечая, что «эти правила образуют лишь канву для вышивания на ней живого рисунка макросегментации звучащей речи, обусловленной конкретной коммуникативной установкой» (стр. 190). Убедительная аргументация этого положения даётся на материале просодического анализа делимитации читаемых и спонтанных немецких текстов с разной степенью подготовленности, текстов разной жанровой принадлежности и другими дискурсивными характеристиками. Тематика данного раздела книги относится, на наш взгляд, к наиболее актуальным проблемам устного дискурса и нуждается в дальнейшей разработке как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Специалистам в области общей фонетики будет интересен также раздел 3.3 главы 3, где рассматриваются просодические средства, обеспечивающие **перцептивно-слуховую** сегментацию звучащей речи. К ним, по мнению авторов, относятся: физические темпоральные паузы, включая их особую разновидность «дыхательные паузы», а также т.н. нетемпоральные паузы (паузы без перерыва в фонации). Традиционное использование слова «пауза» в данном контексте представляется нам неудачным, лучше было бы говорить о перцептивно значимых нетемпоральных разрывах (плавности) текста (ср. англ. breaks) или о нетемпоральных пограничных сигналах. Вместе с тем, проведённые исследования свидетельствуют, что распознавание и перцептивная оценка просодических границ в звучащих текстах зависят не только от физических параметров речевого фрагмента, локализованного в точке воспринимаемого разрыва, но также от более широкого фонетического контекста и от семантико-синтаксических ожиданий, прогнозируемых слушающим на основании идентифицированного ранее фрагмента текста.

Здесь авторы касаются мало изученной, но чрезвычайно увлекательной области когнитивной фонетики, связанной с механизмами текущей обработки звуковой информации в разнообразных ситуациях устного дискурса, уделяя особое внимание специфическим средствам макросегментации спонтанной речи — т.н. паузам гезитации разного типа, реализация которых часто приводит к конфликту между синтаксическим и фонетическим членением текста, к появлению неполных или «рваных» синтагм. Такого рода паузы, будучи помехами в работе синтактико-просодического интерфейса, в то же время помогают получить важные сведения о действии механизмов речепорождения в разных дискурсивных условиях, с учетом таких разных факторов, как особенности синтаксического строя используемого языка и социальные признаки говорящих, что демонстрируется в книге Р.К. и В.В. Потаповых на материале исследований спонтанной речи носителей русского и немецкого языков.

Глава 4 «*Просодические характеристики макросегментации звучащей речи*», первая из серии малообъёмных глав раздела II, создаёт впечатление неоправданного, повторного изложения сведений о просодических средствах макросегментации речи, которые были достаточно подробно описаны ранее в самостоятельной и большей гл. 3. Хотелось бы видеть более чёткое авторское обоснование необходимости выделения этих сведений в отдельную главу.

Пятая глава «*Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии*» возвращает читателя к одной из центральных проблем монографии — сегментации звучащего речевого произведения во всем многообразии вопросов, связанных с этой проблемой: от определения единиц членения разной размерности, их звукового оформления, включая пограничные явления, до методики и критериев обнаружения речевых сегментов разного типа в реальном речевом материале и в условиях специальных фонетических экспериментов. На основании представленного в монографии анализа исследований, проведённых в этой области, авторы приходят к выводу, что «уже накоплен достаточный опыт для того, чтобы поставить вопрос о выделении знаний о сегментации звучащей речи в специальный раздел общей и прикладной фонетики, фундаментального и прикладного речеведения: сегментологию» (стр. 240). При этом подчёркивается необходимость разграничения микро- и макросегментации, обусловленного спецификой вычленяемых речевых сегментов. К микро-сегментам могут быть отнесены интразвуковые акустические события и вычленяемые участки отдельных звуков речи, сами звуки, их последовательности, включая отдельные слоги. К сфере макро-

сегментации относятся сложные ритмические группы, интонационно-смысловые синтагмы, фразы, сверхфразовые единства, фонабзацы, автономные тексты. Фонетические слова, как полагают авторы, по многим сегментационным критериям занимают промежуточное положение, в связи с чем можно было бы говорить об уровне медиасегментации. В главе кратко рассматриваются также специфические особенности процедуры сегментации (сегментного речевого парсинга) для каждого из выделенных уровней сегментологии, отмечается различная степень изученности этой проблемы применительно к разным языкам, и в частности, для русского языка указывается на необходимость дальнейших исследований парсингового анализа «единиц уровня фонетической медиасегментации (фонетических слов)».

Говоря о необходимости выделения сегментологии в самостоятельный раздел речеведения и фонетики, авторы указывают, что это «позволит оптимизировать всесторонний анализ звучащего текста, дать его полное структурное и количественное описание, «определить условия функционирования и значимость речевых сегментов различных уровней для фонокоммуникации в целом» (стр. 245).

В главе 6 «Сегментация звучащих текстов с опорой на критерий вербальной многоуровневой комплексности» подчеркивается важность речевого парсинга для моделирования процесса понимания устной речи, в том числе в автоматизированных системах искусственного интеллекта. Кроме теоретических соображений, связанных с макросегментацией текста, в данной главе описываются результаты опытов по исследованию корреляции между формально-грамматическим членением текста и его перцептивной макросегментацией с использованием просодической информации. Исследование проводилось на материале небольших звучащих текстов, озвученных в режиме чтения и пересказа 11 дикторами. В опытах по перцептивно-слуховой оценке макросегментации этих текстов участвовали на разных этапах как опытные эксперты-фонетисты, так и другие испытуемые с определенным опытом аудирования. В главе приводятся подробные таблицы, иллюстрирующие как исходные условия эксперимента, так и полученные результаты¹. В заключительной части данной главы авторы довольно резко переходят от обсуждения закономерностей в макросегментации слитной речи, наблюдаемых в проведенных ими опытах, к глобальным проблемам создания систем искусственного интеллекта. Представляется, что для более полного понимания рассматриваемых вопросов были бы полезны дополнительные сведения о целях, материале и условиях проведения описываемых здесь экспериментов (например, непонятно, почему происходит переход на анализ телефонных диалогов, в чем он заключался и т.д.).

В седьмой главе с весьма сложным названием «Феномен речевой сегментологии с учетом когнитивной рефлексии и коммуникативно-деятельностного подхода» описываются результаты перцептивно-слуховых и перцептивно-зрительных экспериментов, посвященных смысловой и квазисмысловой макросегментации монологов и диалогов спонтанного характера. На первом этапе эксперименты проводились на материале русских орфографических транскриптов фонограмм устных монологов с отсутствующими в них традиционными знаками членения письменного текста (без знаков препинания, прописных букв, пробелов, маркеров абзацного членения). Задача испытуемых состояла в том, чтобы преобразовать реальные транскрипты фонограмм в осмысленные письменные тексты с нужными графическими знаками членения. Заключительный вывод этого этапа состоит в том, что локализация текстовых границ и вариативность способов их графического маркирования определяются выбором того или иного типа просодического текстового маркера и смысловой структурой текста. При этом обнаружено, что степень вариативности медиасегментации (восстановления словесных пробелов), осуществляемой испытуемыми при преобразовании исходных транскриптов в письменные тексты, существенно ниже, чем степень вариативности макросегментации. Авторы по-

¹ К сожалению, в таблицах, где приводятся относительные (нормированные) акустические показатели, не указано, относительно каких величин осуществляется нормирование.

лагают, что это свидетельствует о различии речемыслительных процессов, действующих на уровнях макро- и медиасегментации.

На втором этапе аналогичное исследование было проведено на материале транскриптов фонограмм устных диалогов. Анализ отчётов, полученных от испытуемых, показал, что «маркеры границ, отмеченных информантами, можно разделить на три группы (ядерные, промежуточные и маргинальные) в зависимости от частоты их встречаемости (в отчетах информантов, ОК) на том или ином участке квазитекста (исходного транскрипта, ОК)», стр. 288–289. В целом, выводы по гл. 7 (стр. 288–289) в значительной степени повторяют выводы, сделанные ранее в гл. 6 (стр. 279–280).

Материал третьего большого раздела «**Антропоцентрический подход к изучению звуковой материи**» выходит далеко за рамки проблем, связанных с сегментологией звучащей речи. Раздел включает семь небольших глав, со средним объемом каждая около 14 стр., которые, на наш взгляд, можно было бы укрупнить.

Раздел открывается главой 8 «*Сопоставительная паравербалика и ее просодические корреляты*», где справедливо утверждается, что «полное изучение процессов передачи смысловой информации должно опираться не только на вербалику, но и на невербалику (пара- и экстравербалику)» (стр. 293). Авторы определяют паравербальную речевую систему как «набор особых поведенческих знаков, образуемых, с одной стороны, сегментными средствами фонации и артикуляции, с другой стороны, супrasegmentными средствами просодии, присущими участникам коммуникативного акта» (стр. 294). Кроме того, к паравербальному компоненту коммуникации относятся и неголосовые поведенческие действия, производимые коммуникантами: кинесические (проксемика), визуальные (окулесика) и пр. Рассматриваются базовые формы и типовые примеры функционирования голосовых паравербальных знаков: кратковременный автономный тип, например, различные щелкающие, свистящие, носовые и другие звуки, которые используются говорящими для передачи различного рода оценок и психоэмоциональных состояний; более протяженный зависимый тип, в котором происходит наложение голосовых паравербальных средств на вербальное наполнение высказывания, например, использование шепота, назализации, ухмылки и пр. Обращается внимание на то, что незнание специфики иноязычной и инокультурной паравербалики может привести к коммуникативным сбоям, что в свою очередь влияет на результат коммуникации в целом. Приводятся конкретные примеры функционирования паравербального компонента в межкультурной и межличностной коммуникации.

Глава 9 «*Фонетические средства оптимизации речевого воздействия*» посвящена обсуждению перлокутивной функции фонетических средств в речевой коммуникации. Авторы считают, что здесь роль звучащей речи так велика, что для её изучения имеет смысл выделить особую область прагматики — **прагмафонетику**, в задачи которой должно входить изучение системы фонетических средств речевого воздействия (РВ). Дается краткий экскурс в историю ораторского искусства и риторики, где, как известно, обращалось особое внимание на использование специальных фонетических средств для достижения большей убедительности и выразительности устной речи.

Возвращаясь к задаче изучения и описания фонетики РВ, авторы отмечают, что, приступая к ее решению, целесообразно различать коммуникативную и эмотивную функции речевой просодии, и подчеркивают большую значимость эмотивной функции в процессах оптимизации РВ. Дается краткий обзор экспериментально-фонетических исследований эмотивной функции

просодических и тембральных фонетических средств в целях оптимизации РВ. Вводится понятие прагматически ориентированного текста как такого речевого сообщения, «содержание которого, помимо информирования, предназначено для воздействия на эмоционально-волевую психику получателя информации» (стр. 304). Авторы разделяют распространенное мнение, что степень РВ звучащего текста на просодическом уровне тесно связана с его экспрессивностью, что, в свою очередь, определяется эмоциональной насыщенностью текста. Для подтверждения этого мнения приводятся конкретные данные перцептивно-слухового и акустического анализа просодического оформления устных текстов в режиме чтения и спонтанного говорения. Также обсуждаются работы по фоностилистике и более специальные исследования, в которых имеются описания важных речевых параметров прагмафонетического плана, полученные на разном языковом материале в различных формах устного дискурса.

Стоит отметить, что данная глава в целом так насыщена просодическими фактами, что было бы уместно дополнительное внутреннее структурирование приводимой информации и обобщающие выводы.

В главе 10 «*Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов*» рассматривается национально-культурная специфика взаимодействия вербальных и невербальных средств в речевых коммуникативных актах. В центре авторского внимания — анализ и оценка эмоционального поведения коммуникантов реципиентами иной культуры и языка с учетом специфики вербальной и невербальной коммуникации. Исходя из того, что фонетические паравербальные средства в любой культуре связаны прежде всего с прагмафонетическим эффектом речевого воздействия, авторы провели ряд исследований, задача которых заключалась в том, чтобы выявить специфические черты эмоционального поведения иноязычных коммуникантов (носителей немецкого языка) по оценкам носителей русского языка, полученным на базе субъективной интерпретации вербального и невербального компонентов речевых сообщений иноязычных коммуникантов. Данная задача имеет решающее значение для моделирования речевого взаимодействия «человек-человек», что убедительно показано авторами в обсуждаемой главе.

Исходная гипотеза исследований формулировалась следующим образом: «обработка слуховых и зрительных образов при восприятии речевой информации реализуется во взаимодополняющем комплиментарном режиме. В то же время симультанные и сукцессивные виды ее декодирования имеют свои особенности» (стр. 323). Материалом для анализа послужили фрагменты различных ток-шоу телевидения Германии. На первом этапе проводились симультанный перцептивно-слуховой и перцептивно-зрительный виды анализа фрагментов немецких ток-шоу; в качестве экспертов выступали носители русского языка без знания немецкого и носители немецкого языка в возрасте от 18 до 22 лет. Эксперты-аудиторы должны были «наряду с определением общего эмоционального настроения коммуникации оценить конкретный вклад в его создание каждого из вербальных и невербальных средств, перечисленных в специальной анкете» (стр. 326, в тексте главы приводится образец анкеты).

Сопоставительный анализ отчетов экспертов позволил установить, что русские эксперты при определении общего эмоционального настроения иноязычной коммуникации опираются прежде всего на невербальную речевую информацию, а паравербальную просодическую используют в качестве дополнительного оценочного параметра. В противоположность этому для немцев при эмотивном декодировании родной речи характерна ориентация на тембр голоса.

На втором этапе исследования условия эксперимента были несколько изменены: материал включал немецкую деловую речь, предъявлялся по двум каналам восприятия (слуховому и зрительному) последовательно, анкетный вопросник был расширен. В качестве экспертов выступали только носители русского языка (как и раньше без знания немецкого). Обработка экспертных отчетов показала, что сукцессивное декодирование эмо-

тивной информации по обоим перцептивным каналам в целом даёт те же результаты, что и simultанное, однако характеризуется большей точностью и надёжностью.

На основе полученных результатов авторы делают следующий вывод: «добавление акустического канала к зрительному значительно расширяет возможности декодирования эмотивной информации даже при наличии такой помехи в коммуникации, как отсутствие языковых знаний на уровне семантики» (стр. 329).

Заключительная часть главы содержит описание исследования, аналогичного вышеизложенному, но на материале русского языка. Результаты приводятся в компактной табличной форме. Они свидетельствуют, что для немецких экспертов-аудиторов без знания русского языка опорным средством оценки эмотивной составляющей русской речевой коммуникации является тембровый голосовой параметр или тембр в комбинации с мелодикой и темпом речи. Авторы усматривают в такой перцептивной ориентации немецких экспертов влияние специфики немецкой артикуляционной базы и звуковой системы немецкого языка.

Итоговый вывод весьма существен для дальнейшего моделирования речевой коммуникации как в теоретическом, так и прикладном плане. Подчёркивается, что восприятие вербального и невербального поведения коммуникантов направлено не только на анализ интеллектуально-содержательной речевой информации, но также на оценку ситуации в целом и декодирование эмоционально-модальной составляющей устного текста/дискурса. Применительно к иноязычной и инокультурной коммуникации отсутствие знаний в данной области является своеобразной помехой для получения адекватной оценки всех составляющих (сверхзадачи, мотивации, замысла и др.) акта межличностной коммуникации» (стр. 333). Остаётся только присоединиться к авторам рецензируемой книги в их акценте на необходимость дальнейших изысканий в этой увлекательной области.

В главе 11 «Идентификация говорящего и его эмоционального состояния по голосу и речи» авторы обращают внимание на весьма обширный информационный пласт звучащей речи, который создается достаточно константными характеристиками говорящего: деятельностными, индивидуально-личностными и интеллектуальными. Для более подробного рассмотрения выделен физиолого-психический фактор дифференциации говорящих, приобретающий особое значение в современной жизни при решении многих практических задач: при профессиональном отборе, при получении психологического портрета говорящего, идентификации личности по голосу и т.д. Выдвигается гипотеза, согласно которой на основании внешних речевых признаков (акустических и лексико-грамматических) может быть установлено физиологическое и психическое состояние говорящего, позволяющее сделать адекватный вывод о преобладании в его поведении процессов: «возбуждения/торможения; уравновешенности/неуравновешенности; рассеянности/сосредоточенности и т.д.» (стр. 337).

Переходя к проблеме идентификации говорящего, отмечается, что она в конечном счёте сводится к задаче построения индивидуального речевого портрета говорящего. Далее в рассмотрение вводится целый ряд признаков, которые образуют речевой портрет или должны учитываться при его создании: акустико-лингвистические (первичные и вторичные), коммуникативные и индивидуальные (биологические, психологические, социальные), нормативные (универсальные, групповые, идиосинкразические), контролируемые/неконтролируемые; приобретённые/неприобретённые и т.д. Множество

идентифицирующих признаков, приводимых в книге, столь велико и разнообразно, что было бы желательно более чёткое его структурирование, устранение повторов, сведение значимых параметров в результирующую классификационную таблицу или какую-то иную наглядную схему.

Значительное место в данной главе занимает обсуждение вопроса об автоматизации получения портретных характеристик говорящего по его речевой продукции. Наиболее перспективным, по мнению авторов, является экспертный подход с использованием фреймовых структур акустико-фонетических и лингвистических знаний и специальных баз данных, содержащих всю известную информацию о об универсальных и специфических признаках и параметрах речевого сигнала, значимых для речевого портрета говорящего.

Несколько неожиданным для читателя представляется переход от вопроса о речевом портрете говорящего к проблеме реализации и распознавания эмоций в речи (стр. 345), хотя можно согласиться с авторами, что переживаемые эмоции изменяют устойчивые формальные признаки речи говорящего, т.е. модифицируют его речевой портрет. В этой части главы 11 подробно описываются результаты экспериментально-фонетических исследований о влиянии некоторых эмоций и эмоциональных состояний (радость, гнев, страх, тревожность) на сегментные и просодические характеристики звучащей речи (на актерском и естественном речевом материале). Подробно описывается методика проведения подобных экспериментов, приводятся иллюстративные графики для различных акустико-физиологических параметров. В заключение авторы делают осторожный вывод о возможности использования полученных данных в судебной фонетике при идентификации говорящего по голосу и речи, при идентификации его эмоционального состояния, а также «для дальнейшего сравнения с другими результатами, которые учитывают речевую реализацию эмоций на примере других языков» (стр. 352).

Глава 12. «*Определение «облика говорящего» по данным перцептивно-слухового анализа звучащей речи*» возвращает читателя к центральному вопросу главы 11, к сожалению, без каких-либо ссылок на предыдущее изложение. На самом деле, материал данной главы содержит описание эксперимента, цель которого заключалась в выявлении перцептивно-слуховых признаков речи говорящего, значимых (объективно и субъективно) для создания его речевого портрета. Подробно описывается материал исследования, методика, состав и задачи дикторов и аудиторов. Задачи аудиторов были связаны с анализом и оценкой акустических свойств речевого материала. Данные, полученные в результате перцептивно-слухового анализа, были обработаны статистически для всех рассматриваемых групп личностных признаков говорящего: фонетических, языковых, физиолого-метрических и эмоциональных. В главе приведены графики, иллюстрирующие полученные результаты и выводы. Произведено ранжирование признаков по степени их перцептивной надежности и значимости, которое может быть основой для экспертной инструкции по фоноскопии.

Глава 13 «*Восприятие звучащей речи в затруднённых условиях*» в чём-то перекликается с главами 5 и 6 второго раздела, так как в ней рассматривается низший уровень смыслового восприятия звучащего текста с акцентом на вычленение и идентификацию его словесного наполнения при наличии определенных помех на уровне акустического распознавания. Дается краткий обзор литературных данных по проблеме восприятия и интерпретации текста в разных аспектах: психолингвистическом, литературоведческом, лингвистическом, когнитивном. Переход к описанию эксперимента по восприятию устного текста в шумах (стр. 371), следующий сразу после такого обзора, выглядит достаточно неожиданным и неоправданно резким.

Условия эксперимента (вкратце) были следующие: аудиторам (n=24) предлагались для прослушивания зашумленные устные монологи дикторов на разные темы. В их задачу входило: записать слова, которые им удалось идентифицировать при прослушивании каждого монолога, а затем реконструировать на их основе весь монолог. Отчёты аудиторов

по каждому монологу и по всей совокупности были затем проанализированы и статистически обработаны, приводятся графические иллюстрации наиболее важных результатов. Полученные данные отчасти подтверждают результаты других исследований по восприятию отдельных слов и словосочетаний в шумах, но в то же время представляют значительный интерес для более глубокого изучения и моделирования механизмов обработки и понимания связного текста. Так, проведённый авторами анализ показал, что при незначительной и средней зашумленности в тексте лучше всего опознаются существительные и глаголы, а при значительном шуме плохая опознаваемость характерна для всех слов. Обнаружилось также, что при записи идентифицированных слов аудиторы часто используют их исходные грамматические формы, т.е. переходят на лемматический способ представления идентифицированных слов.

В главе 14 «Фоностилистика научной речи с позиций прагмафонетики» рассматривается возможность взаимодействия традиционного фоностилистического подхода к речи с прагмафонетическим разделом речеведения. В начале главы даётся обстоятельный обзор теории стилей в отечественной и зарубежной лингвистике, отмечается, что лингвостилистика до недавнего времени была обращена в основном к письменной речи, что совершенно недостаточно с точки зрения теоретических и практических задач общего речеведения. Этот вывод в полной мере касается и устной научной речи, интерес к изучению которой особенно оживился в последние годы в связи с расширением международных и межкультурных научных связей. С позиций речеведения на первый план здесь выходят задача изучения особенностей устно-речевой актуализации научного текста в разных дискурсивных условиях (социальных, языковых, культурных и пр.).

На основании своего исследовательского опыта авторы монографии делают попытку выделить базовые признаки научного устно-речевого стиля (стр. 383–384), относящиеся как к содержанию и композиции научного текста, так и к его устной языковой форме. При этом отмечается, что результативность различных актов научного общения определяется сложной дискурсивной компетенцией участников, отдельные составляющие которой подробно обсуждаются.

Переходя к анализу имеющихся фоностилистических исследований научной речи, авторы выделяют лекционный жанр как наиболее полно изученный для разных языков. В подтверждение этого даётся подробное описание наиболее важных результатов, полученных на материале русской, английской и немецкой научной речи. В этой части главы приведены обширные цитаты из первоисточников, однако, на наш взгляд, не хватает каких-то обобщающих выводов сопоставительного функционально-фонетического характера.

В качестве примера экспериментально-фонетического исследования лекторской речи описан также цикл экспериментов, осуществлённых авторами монографии на материале аудиторных устных лекций, прочитанных высококвалифицированными немецкими специалистами ряда университетов Германии. На стр. 389–399 подробно рассматриваются задачи, условия, материал и методика каждого экспериментального цикла, а демонстрируемая авторами тщательность в постановке и характеристике проводимых экспериментов может служить примером для многих экспериментальных работ в области фонетики звучащей речи. В центре внимания обсуждаемого исследования находились следующие вопросы:

- макросегментация лекторской речи и её фонетические средства;
- ключевые слова и просодические средства смыслового подчёркивания;

— соотношение вербальных и невербальных средств в научной коммуникации лекторского типа;

— общие особенности интонационно-ритмической организации лекционного материала с разной степенью подготовленности.

По всем указанным вопросам были получены интересные результаты, которые свидетельствуют о важной текстоорганизующей функции просодических средств в лекционной немецкой речи, которая проявляется как в макросегментации текста, так и в обеспечении смыслового подчеркивания отдельных фрагментов в логическом и/или эмотивном плане. Результаты аудиовизуального анализа лекционного дискурса показывают, что «в формировании дидактически мотивированной лекторской речи принимают участие как вербальные средства, в частности супraseгментные параметры просодии, так и невербальные (жестикация), которые своеобразно варьируют в зависимости от информационной насыщенности текста/дискурса и его композиционной структуры» (стр. 399).

Хочется надеяться, что исследования в этой области речеведения будут продолжены на разном речевом и языковом материале с учетом основных направлений изучения устно-речевой научной коммуникации (УНРК), намеченных авторами рецензируемой книги.

Заключение содержит очень краткое обобщение материала, изложенного в монографии. Её тематическая многоаспектность является прямым отражением многослойности и полиинформативности устно-речевой коммуникации и сложности проблем, которые требуют дальнейшей разработки в рамках фундаментального и/или прикладного речеведения. Простое перечисление этих проблем и связанных с ними задач занимает в монографии почти полную страницу авторского изложения (стр. 401–402). Не вызывает сомнения, что новая книга Р.К. Потаповой и В.В. Потапова вносит существенный вклад в дальнейшее развитие этой увлекательной предметной области общей науки о человеке. Можно надеяться, что выход этой монографии стимулирует появление новых исследований, которые, в конечном счёте, позволят построить адекватную модель межличностной речевой коммуникации во всем её дискурсивном многообразии. Нельзя не отметить также, что книга прекрасно издана как с точки зрения редакционной подготовки, так и в полиграфическом плане.

Литература

1. Потапова Р.К. (1986) Слоговая фонетика германских языков. М.: Высшая школа. 144 с.
2. Потапова Р.К. (ред.) (1997) Общая и прикладная фонетика / Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н.. М.: Изд-во Моск. ун-та. 416 с.
3. Потапова Р.К. (2010) Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 4-е изд., доп. М.: УРСС. 600 с.
4. Потапова Р.К., Потапов В.В. (2006) Язык, речь, личность. Москва: Языки славянской культуры. 496 с.
5. Potapov V.V. (2001) Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 309 s.
6. Potapova R.K., Potapov V.V. (2011) Kommunikative Sprechfähigkeit. Rußland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 312 s.

Сведения об авторе

Кривнова Ольга Фёдоровна —

доктор филологических наук, в.н.с. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.